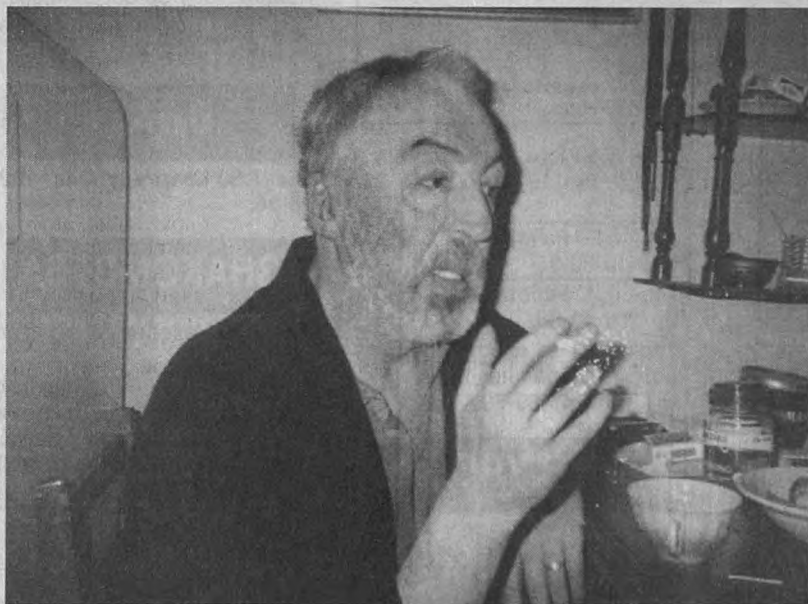

Кровь 37-го года отыгралась в звездах

— Считать 37-й год самым страшным годом советской власти мне трудно именно потому, что я родился в 37-м, но это чисто психологически, это мое личное дело. К тому же она (власть) вся страшна. А что такое кронштадтский мятеж? А что такое геноцид классов? А крестьянст-

Андрей Битов — самый умный человек в Европе. Знакомые Андрея Георгиевича сетуют, что рядом с ним нет стенографиста: мысли, спичи, афоризмы разлетаются бесследно.

ва? Национальный геноцид, растление народов — сплошная катастрофа. Выделять один 37-й год неправомерно, в нем, кстати говоря, пострадало много тех, кто это же и сделал. Это котел, роковой и страшный, связанный с этой же самой историей. Разборка внутри сил, которые все это сделали. Поэтому 37-й трудно выделять — кроме крови, объективной человеческой крови. А с точки зрения звезд, которые совпали с той демографической политикой, это кажется ужасно циничным. Тем не менее в 37-м году родился отряд писателей, не заметить который трудно. 28 января год «красного быка» кончается, Высоцкий — последний «бык» этого года. Недавно еще была Лариса Шепитько — это январские еще «быки» проходят. Журнал «Другие берега», издаваемый Галиной Гусевой, подхватил эту идею и представил этих людей. «Красный бык» раз в шестьдесят лет бывает. Это шестидесятилетние 37-го года; 60-летие тех, кто

Толстого читает один человек, а не миллионы читателей

Битов - Москва - 1998 - апрель - с. 6.

Андрей БИТОВ:

Мысли, высказанные под утренний кофе

ски разложить, где эти волны энергии накатывают на бытие человеческое.

Нельзя сортировать блондинов и брюнетов

— В конце века великие рождались, как яички. 89-й год — Ахматова; 90-й — Пастернак, 91-й — Мандельштам; 92-й — Цветаева, 93-й — Маяковский, 94-й — Георгий Иванов, поэт, значение которого разрастается; 95-й — уже Есенин. Потом внутри этого разгоняется и проза: Булгаков, Зощенко, Бабель, и потом, в 99-м, как

Говорят, что знаменитый писатель Андрей Битов — самый умный человек в Европе. Знакомые Андрея Георгиевича сетуют, что рядом с ним нет стенографиста: мысли, спичи, афоризмы разлетаются бесследно.

брызнуло: Платонов, Набоков — два величайших прозаика века; такие разные, с такими разными страшными судьбами. Но кроме этого, великие писатели, затененные перечисленными: Константин Вагинов, Юрий Олеся, Надежда Мандельштам — именно как прозаик. Это все поразительно, конечно. Можно подумать, что век готовился... Это подсознание человеческого вида. Этому стаду, этому муравейнику нужен и гений, и лидер, и вождь. В общем, там какая-то пропорция, которая если не мистична, то метафизична. Эти механизмы, безусловно, еще не скоро будут открыты — по каким человеческое живет как вид, что оно вырабатывает совершенно автоматически. Мы ведь живем в плену представления о себе, что мы как бы сознательные существа, что

что-то от нас зависит. И правильно, так и надо — иначе мы ничего не сдвинем. Пусть наши позитивные желания и убеждения как-то работают, но насколько все это напоминает вспышки на солнце или пятно на луне, или приливы-отливы, или вековые тысячелетние циклы... Все это — тайна, и тайна сия велика есть. Но видно, что это все не может быть только случайным... Хотя, с другой стороны, нужно здраво посмотреть и вспомнить, как говорил Курт Воннегут, что есть подлинная общность людей — это те, которых ты встретил на пути жизненном, и ложная общность людей — это люди одного класса, одной нации, одного выпуска и так далее. То есть нельзя сортировать блондинов, брюнетов — это приведет к другому бреду. Ведь задуматься полезнее, чем решить проблему. Проблема можно решить наскоро, наспех и ложно...

С ужасом жду двухсотлетия Пушкина

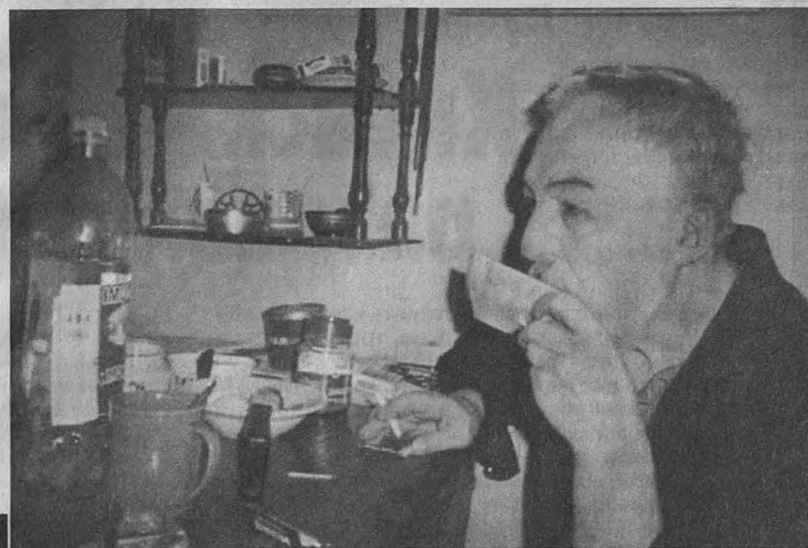
— Я думаю, что идет процесс некоторого отрезвления и оздоровления, то есть тексту по-прежнему принадлежит его роль, но она в самом тексте, а не снаружи текста. Его социальные функции связаны с падением цензуры и с возникновением гласности, с тем, что занятий стало других больше. Все ссылаются только на телевидение, но телевидение, между прочим, тоже становится текстом. Я, например, сейчас очень увлечен

идеей создания телетекстов. Интервью, скажем. С одной стороны, в этом есть какой-то базар, с дру-

Приведенные ниже заметки — это соображения Битова по разным поводам наутро после искрометного литературного банкета. Случайно, можно сказать, записанные одним из приятелей.

гой — устное письмо, что ли. Формы меняются, но тексту при этом остается текстово. Вот что важно. И я думаю, что в конце концов при насыщении рынка массовой литературой, доступной литературой, публицистикой и всем прочим тексту опять достается его. Ну не все ходят на симфоническую музыку, но тем, кто ходит, — им больше ничего как бы не надо. Залы полны; я думаю, такая же роль принадлежит литературе, потому что читать надо уметь — как музыку играть. Читательский дар абсолютно симметричен писательскому, и исполнение книги происходит в душе одного человека. Это то, что перепутали: писатель менее популярен, более популярен, для всего народа, не для всего — это область спекуляций. Льва Толстого читает один человек, а не миллионы трудящихся. Пушкина тоже читает один человек, и то его пойдй найди. Кстати, слава, с одной стороны, всегда бывает искаженной, позорной и с налетом вульгаризации и кошмара. И с я большим ужасом жду 1999 года — двухсотлетия Пушкина. Хочется Александра Сергеевича бедного защитить от этого.

...А судить о нем, сколько людей

потребляет, а сколько не потребляет... Все хлеб потребляют — в этом нет ни оскорбления, ни унижения. Хлеб едят все, но вот литературный хлеб, текстологию, тоже едят все — но в какой форме? Хороший текст проходит через воспитание каких-то людей, через обучение, потом он уходит в какие-то газетные заголовки и так далее. То есть все равно он распространяется. В Англии, допустим, никто не читает уже Шекспира или Диккенса. Но они внутри языка, они внутри культуры, они распространены, рассосаны — обидно это или не обидно. Отдельные люди получают наслаждение от чтения этих текстов, отдельные. Еще не рассуждено, не является ли человечество одним организмом, одним телом; внутри этого тела действуют эти законы. Если масса вашего тела 80 килограммов, а в нем не работает один орган, который весит 100 граммов, то клиническая смерть все равно происходит.

О школе

— Там очень перегружают — и непонятно, чем. Я ни оценить, ни осудить не могу. Моя-то идея была в том, что должны быть написаны настоящие учебники начальной школы. Совершенно неожиданные — не буквари, а такие, как экология, языкознание и философия, написанные великим людьми, такими, как Гаспаров, Аверинцев, Вячеслав Иванов, Топоров, Успенский. Кто-

то может совершить такой подвиг, потому что мозги эти юные эксплуатируются не в том направлении: на запоминание. Компьютеры утомляют, вместо того чтобы развивать. Дети готовы к абстрактному мышлению больше, чем мы думаем. Надо им преподать цельность мира, цельность ощущения мира.

Сознание конца света становится основой веры

— Невозможно опустить кровавость этого века, и в то же время невероятный скачок в области технологий. Это мой такой идеалистический, слишком гуманитарный вывод, но все-таки надежда у меня такая, что человек XX века вполне подготовился, подучился, чтобы осознать свое место в универсуме. И свою роль, свою задачу он осуществляет не как венец творения и хозяин всего этого — нещадный, а понимая свою ответственность, то, что я когда-то назвал эсхатологическим сознанием. Сознание конца света становится основой веры, поведения человека. Я думаю, XXI век должен стать экологическим веком, потому что другого выхода не будет. Знают, вся человеческая агрессия переметнется в этот потенциал: безотходность технологий, поиск энергии и так далее. Человечество начнет жить как одно целое — не всеобщий коммунизм, а всеобщая сверхзадача выживания.